

Радужные ожидания и суровая реальность

Крюков Валерий, доктор экономических наук, заместитель директора ИЭОПП СО РАН, руководитель Центра ресурсной экономики ИЭОПП СО РАН, Ирина Семькина, младший научный сотрудник, Силкин Владислав, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Токарев Анатолий, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Шмат Валерий, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник «Эксперт» №35 (768)

Считается, что Восточная Сибирь сказочно богата. Но это богатство, реальные масштабы которого еще не оценены, имеет специфические особенности и осваиваться должно комплексно, преимущественно в интересах внутреннего российского рынка

Проблема нефтегазоносности восточных регионов России уже на протяжении многих десятилетий волнует умы геологов, хозяйственников и политиков. Геологическое изучение с прицелом на поиск месторождений нефти и газа в Восточной Сибири началось едва ли не раньше, чем в Западной, но открытия пришли гораздо позже. Долгая и нелегкая история геологического изучения в сочетании с сильным желанием открыть еще одно нефтяное Эльдorado привели к тому, что тема нефти и газа на Востоке России обросла различного рода мифами, которые в большей или меньшей степени не соответствуют действительности, но отвечают нашим чаяниям и надеждам.

Утверждение первое: в недрах Восточной Сибири и Якутии — на территории Сибирской платформы — спрятаны несметные углеводородные богатства.

В действительности же нефтегазовый потенциал восточных регионов (16% от российского) заметно уступает западносибирскому (58%), а если взять разведанные запасы нефти по категориям А+В+С₁, то и вовсе 68%. По газу же — 77%. При этом в оценке выявленных запасов на востоке страны отмечается сильная диспропорция: запасов нефти слишком мало, а газа — много. Это обстоятельство создает неопределенность в отношении перспектив развития добычи, что, в свою очередь, вызывает опасения, мол, восточносибирской нефти не хватит для заполнения трубопроводной системы Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) при ее выходе на полную мощность 80 млн тонн в год.

Чтобы иметь более ясное представление о богатствах Восточной Сибири и избежать дефицита, необходимо резко нарастить объемы геологоразведочных работ. Сегодняшние объемы бурения в Восточной Сибири почти в десять раз меньше, чем в 1980-х, и, по мнению ученых-геологов, примерно в двадцать раз меньше того уровня, который необходим для подготовки требуемого объема запасов нефти. Пока же едва ли не все известные к настоящему времени крупные месторождения углеводородов на территории Сибирской платформы открыты еще в советское время.

Что же касается месторождений природного газа, то в нынешней ситуации его слишком много. Например, гигантское Ковыктинское газоконденсатное месторождение сегодня

оказалось никому не нужным, поскольку спрос на газ в Иркутской области слишком мал, а к строительству газопровода еще даже не приступали. Похожая картина и на других газовых месторождениях. Это порождает крайнюю неясность относительно возможных перспектив развития добычи газа на востоке России.

В результате происходит неоправданное обесценение богатств Восточной Сибири. Какую-то часть, причем довольно большую, потенциальных ресурсов мы не можем взять, так как она не переведена в категорию запасов, пригодных для промышленного освоения. Какой-то части, тоже немалой, мы не можем найти разумного хозяйственного применения. А специфика ресурсной базы и неординарно сложные условия деятельности в Восточной Сибири приводят к высоким экономическим рискам, которые снижают отдачу инвестиционных проектов, прежде всего для государства и общества. Зато коммерческая эффективность проектов для бизнеса остается на более или менее приличном уровне, поскольку государство идет на беспрецедентные льготы для недропользователей.

Утверждение второе: с нефтью и газом из восточных регионов страны мы выйдем на новые международные рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона и диверсифицируем направления экспорта углеводородов.

С выгодами от экспорта нефти и газа и диверсификацией направлений поставок все обстоит не так гладко, как нам бы хотелось, поскольку основным покупателем российских энергоресурсов в Азии является Китай. Прагматизм этой страны в вопросах собственного экономического развития и тем более в том, что касается внешнеторговых связей, непробиваем как железобетонная стена. России не удастся договориться с Китаем о взаимоприемлемых ценах на поставляемые энергоносители, что в равной степени относится и к нефти, и к газу.

Объяснение может заключаться в том, что Китай — наш главный покупатель на Востоке, и под будущие поставки он предоставил «Роснефти» и «Транснефти» кредит в 25 млрд долларов. Теперь и «Газпром» собирается строить газопровод «Алтай» в направлении Шанхая тоже на китайские средства (40 млрд долларов), привлекаемые авансом за будущие поставки газа. Естественно, что Китай в обмен на кредиты и авансы рассчитывает получать наши энергоресурсы по льготным ценам.

Поэтому реальная диверсификация экспорта энергоносителей будет иметь место лишь тогда, когда мы выйдем на рынки многих стран АТР, понизив свою зависимость от одного покупателя. Но для этого нужно решить целый ряд технически сложных и капиталоемких задач, связанных со строительством заводов по производству сжиженного природного газа, развитием нефтепереработки и портовой инфраструктуры, созданием собственного достаточно мощного танкерного флота. Экспорт, не приносящий адекватных прямых экономических выгод, может быть оправдан лишь при условии, что добыча экспортируемых энергоресурсов порождает значительные косвенные, мультипликативные эффекты в собственной экономике, способствует хозяйственному развитию восточных территорий страны.

Утверждение третье: освоение нефтегазовых ресурсов позволит начать новый экономический подъем восточных регионов страны, реинтегрировать хозяйство Восточной Сибири и Дальнего Востока в национальную экономику.

Развитие нефте- и газодобычи действительно способно оказать серьезное мультипликативное воздействие на экономику восточных регионов России. Но нефтегазовый мультипликатор не заработает сам по себе — его нужно «включить». А для

этого необходимо создать определенные организационно-экономические условия, которые заставят нефтегазовый бизнес, с одной стороны, и местных поставщиков и подрядчиков, с другой, активно взаимодействовать.

Сегодня в Восточной Сибири таких условий нет, поэтому интеграция зарождающейся нефтегазовой промышленности в экономику регионов превратилась в проблему. Ориентация на широкое привлечение внешних финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов ведет к тому, что в Восточной Сибири формируется своего рода нефтегазовый хозяйственный анклав, изолированный экономически и пространственно.

Яркий пример тому — освоение Ванкорского месторождения на севере Красноярского края. В 2010 году объем закупок «Ванкорнефти» превысил 144 млрд рублей, из которых всего лишь 9 млрд (6,2%) пришлось на предприятия Красноярья. Сегодня Ванкор предъявляет спрос менее чем на 2% производимых в крае товаров и услуг местной обрабатывающей промышленности. В таких условиях говорить о серьезном влиянии нефтегазовой отрасли на экономику региона не приходится.

Судьба Ковыкты тоже показывает, что корпоративные интересы «Газпрома» препятствуют прокладке газопроводов в западном направлении с подключением к действующей единой системе газоснабжения страны, которая сейчас заканчивается на территории Кемеровской области. Хотя реализация именно западного сценария позволяет максимизировать мультипликативные эффекты в экономике.

Еще пример: к строительству ВСТО привлекаются подрядчики и рабочая сила из Китая. Нефтегазовый мультипликатор, таким образом, реализуется, но не в отечественной экономике, а в китайской.

Утверждение четвертое: освоение углеводородных ресурсов в сложных условиях Восточной Сибири потребует применения новых технологических решений, что благотворно отразится на динамике инновационных процессов в России.

Ахиллесова пята российского нефтегазового сектора — его технологическая зависимость от заграницы. Сегодня ни одна даже самая крупная российская нефтегазовая компания не в состоянии своими силами реализовать ни один технически сложный и капиталоемкий проект, будь то освоение месторождений на морском шельфе, производство и маркетинг сжиженного природного газа или глубокая переработка углеводородов. Впрочем, и при освоении месторождений на суше, когда требуется применение инновационных технологий, мы вынуждены прибегать к услугам зарубежных поставщиков. Так, при освоении Ванкора и Верхнечонского месторождений используется технология горизонтального бурения компании Schlumberger, которая уже открыла на Ванкоре собственную постоянно действующую базу по ремонту, сопровождению и восстановлению всех систем бурения.

Почему сегодня столь заметно наше технологическое отставание в нефтегазовом секторе? Возможно, ответ на этот вопрос кроется в следующем сравнении.

В 2010 году пятерка мировых нефтегазовых гигантов (ExxonMobil, RoyalDutchShell и др.) израсходовала на исследования и разработки около 4 млрд долларов, что в отношении к величине чистой прибыли составило около 4%. Суммарные расходы российских крупнейших компаний были около 400 млн долларов, или всего 0,7% их прибыли. У отечественных компаний нет стимулов технологически модернизироваться и развиваться.

Утверждение пятое: глубокая переработка газового сырья позволит получить большие объемы продукции с высокой добавленной стоимостью.

Обладая колоссальным ресурсно-сырьевым потенциалом углеводородов, в развитии химической промышленности мы отстаем от развитых стран на несколько десятилетий. В настоящее время Россия занимает всего 2% мирового химического рынка (но по добыче газа — 18%) и катастрофически уступает «старым» и «новым» индустриальным странам в потреблении химической продукции. А это, в свою очередь, является свидетельством исключительно низкого качества нашего экономического роста. Наш химпром оказался в системном технологическом кризисе, истоки которого — в 70-х годах прошлого века.

Поэтому в рамках модернизации экономики России жизненно необходим новый «химический рывок», подобный тому, что имел место у нас в стране в 50–60-х годах или который сейчас происходит в Китае. Освоение газовых ресурсов Восточной Сибири и Якутии создает для этого очень хорошие предпосылки. Но чтобы рывок состоялся, требуется не только устранить те барьеры и препятствия, которые мешают нормальному функционированию отечественной химической промышленности, но и понять, какой должна быть стратегия дальнейшего развития.

Сегодня во взглядах на вопросы развития газохимии на востоке России преобладают простые решения, предполагающие в основном организацию производства крупнотоннажных базовых продуктов, которые можно будет экспортировать в страны АТР и главным образом в Китай. Но китайская химическая индустрия идет семимильными шагами, год от года эта страна сокращает разрыв между спросом и собственным производством базовых химикатов и уже экспортирует изделий из резины и пластмасс почти на 23 млрд долларов. Это сопоставимо по величине со всем российским экспортом химической продукции. Может статься, что к тому времени, когда мы построим свои восточные газохимические комплексы (ГХК), их продукция за пределами России никому не будет нужна.

Еще одна, не менее острая, проблема связана с конкурентоспособностью будущей восточносибирской газохимии на внешних рынках. Шансов на победу в конкуренции с экспансивно растущими производителями из ближневосточных стран у нас совсем немного из-за дороговизны газа (цена в семь-восемь раз выше, чем у основных конкурентов), высоких транспортных издержек и полутора-двукратного удорожания капитальных затрат на строительство ГХК.

Поэтому стратегия развития комплекса производств по глубокой переработке углеводородов на востоке страны должна основываться на рациональном комбинировании сырьевых источников, создании разветвленной специализированной инфраструктуры и преимущественной нацеленности на внутренний рынок. В рамках осуществления нефтегазохимической стратегии и в процессе создания комплексной инфраструктуры должна также решаться задача по утилизации уникальных ресурсов гелия, который содержится в газах восточносибирских месторождений.

Утверждение шестое: в газовых месторождениях на востоке России сосредоточены огромные ресурсы стратегически важного гелия.

Эффективное использование ресурсов гелия при освоении газовых месторождений на востоке России представляет собой сложную комплексную проблему. Дело в том, что у нас нет практического опыта осуществления масштабных гелиевых проектов в

современных экономических условиях, когда на первом плане стоят задачи достижения высокой экономической эффективности — общественной и коммерческой.

Развитию гелиевой промышленности в России благоприятствует быстрый рост мирового спроса, в особенности в странах АТР, при сокращении производства товарного гелия в США. По нашим оценкам, в 2030 году ожидаемый разрыв между мировым спросом и предложением может составить примерно 169 млн кубометров гелия. Ресурсная база в принципе позволяет России покрыть возможный дефицит. Однако суммарные запасы гелия в основных странах-конкурентах — Алжире и Катаре — сопоставимы с российскими, и, следовательно, эти страны тоже способны удовлетворить спрос. Победят более конкурентоспособные.

Располагая действительно огромными ресурсами гелия, Россия вправе поставить перед собой агрессивную цель стать главным игроком на мировом рынке. Однако если мы будем чересчур осторожничать, наше место займут другие. Нам нужна прагматичная гелиевая стратегия, которая объединит усилия компаний-недропользователей и будет осуществляться при активном участии государства.

Утверждение седьмое: государство должно оказывать всемерную поддержку нефтегазовым компаниям при освоении восточносибирских месторождений.

Безусловно, государство должно стимулировать освоение новых месторождений, находящихся в сложных условиях, и содействовать хозяйственному развитию территорий. Но в нормально функционирующей рыночной экономике такое стимулирование работает при реальной конкуренции. В российском нефтегазовом секторе конкурентного рынка нет, а есть фактический картель, состоящий из небольшого числа крупнейших компаний, не заинтересованных ни в сокращении издержек производства, ни в решении задач, имеющих общенациональное социально-экономическое значение. Растущие издержки производства включаются в цену продукции либо компенсируются получением от государства различного рода льгот и преференций, что в конечном счете ведет к неоправданному уменьшению «социальной ценности» ресурсов нефти и газа.

Поэтому роль государства в нефтегазовом секторе должна возрасти, но не за счет дальнейшей раздачи льгот или расширения прямого участия в затратах, а за счет системного воздействия и более эффективного выполнения координирующих и контрольных функций, выработки стратегических целей и приоритетов развития, включая инновационно-технологические аспекты, а также за счет научно обоснованных планов, программ и генсхем развития нефтегазового сектора в Восточной Сибири. Они должны определять не только объемные ориентиры производства, перечни, мощности и сроки ввода объектов, но и побуждать к сокращению издержек. Что же касается госкомпаний, то разработанные государством программно-плановые решения должны иметь для них директивный характер. При отсутствии конкуренции на рынке именно госкомпании должны проводить генеральную линию государства в нефтегазовом секторе, на них в первую очередь ложится ответственность за решение задач общенационального значения, таких как освоение восточносибирских недр и обеспечение внутреннего рынка энергоресурсами.

Пример китайской PetroChina показывает, что подобное позиционирование госкомпаний дает надлежащие результаты. PetroChina не только входит в тройку крупнейших корпораций мира по капитализации, но и успевает развивать добычу углеводородов для поставок на внутренний рынок, наращивать глубину переработки нефти в десять раз быстрее нашей «Роснефти», внедряться в зарубежные проекты по освоению

нетрадиционных источников углеводородного сырья. И все это в условиях государственного регулирования цен на энергоресурсы.

Совсем немифический вывод

Таким образом, наши представления о возможностях и выгодах освоения нефтегазовых ресурсов на востоке России больше напоминают радужные надежды, чем трезвый расчет. Хотя «восточный вектор» в развитии отечественного нефтегазового сектора, несомненно, правилен — освоение сырьевого потенциала восточных регионов страны сегодня актуально как никогда. Вопрос состоит в том, какими путями двигаться, с какой скоростью, как преодолевать возникающие на этом пути трудности.

Главная наша ошибка заключается в том, что слишком много отдано на откуп бизнесу — не важно частному или частно-государственному. Между компаниями и государством нужен своего рода контракт «обязательства в обмен на льготы», наподобие того, о котором шла речь на совещании «О состоянии нефтепереработки и рынка нефтепродуктов в России» в Киришах в июле этого года. Необходимо также создать эффективную систему государственного мониторинга и контроля издержек в нефтегазовом секторе. Действующая система финансового и налогового контроля чересчур поверхностна и не позволяет выявлять взаимосвязи между производственными и результирующими финансово-экономическими показателями, отличать нормальные издержки от нерациональных, искусственно завышенных.

И естественно, что в сложившейся ситуации государство должно насаждать конкуренцию в нефтегазовом секторе всеми доступными способами. С этой точки зрения Восточная Сибирь едва ли не идеальный объект.
